

первая часть

мальчик- дикарь

1

Корзинка из сковородки – как огромный металлический цветок с дырочками. Какой-нибудь Стальной гигант¹ мог бы носить такой на лацкане пальто. Раньше, пока я не стал родителем, подобных идей у меня не возникало. Но благодаря ребенку приходится обновлять в памяти столько всего – не помнишь даже, что когда-то всему этому учился: как поворачивать дверную ручку, или как мыть руки, или как надо смотреть на обычные предметы кухонной утвари, чтобы они превратились в конце концов в совершенно абстрактные объекты.

– Дья – дики – ду-у, – сообщает Морган, и болтовня эта, обращенная куда-то в сторону, будет продолжаться до тех пор, пока он не ускачет в другой конец дома. Поднимаю глаза на Дженнифер, она смотрит на меня: мы оба пожимаем плечами. Ему два года, уже ближе к трем, и язык у него свой, собственный.

«Смена» Дженнифер – в основном ночь и раннее утро. Я с Морганом – до полудня и по вечерам. Днем у нас обычно передышка. Я в это время могу полистать «Заметки и вопросы» – переплетенные тома Викторианских времен – у себя наверху, посмотреть лондонские газеты онлайн, привести в порядок свои вещи и канцелярские принадлежности. Иногда – не поверите – я пишу. Дженнифер идет в спальню, где разбросаны кроссворды, многочисленные палитры для живописи и акриловые краски. Возвратившись оттуда со своей блочной тетрадкой на спирали, она направляется в местную кафешку, где у нее есть любимый письменный столик. В это послеполуденное время мы оба можем заняться работой: сына опекает наш старый друг Марк, который

¹ Герой одноименного фантастического мультфильма 1999 года, основанного на романе Теда Хьюза «Железный человек». – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

стал ему практически нянькой. Но сегодня Морган проводит эти часы с нами.

Мы идем за Морганом в спальню, где он листает увесистый том медицинского справочника, взятый с полки. Так, изучаем сердечные расстройства, в самом начале книги. Он берет мой палец словно указку и тычет им в слова.

– Врач... может... заподозрить... ох, эндокардит...

Он сильнее сжимает мой палец над этим словом, требуя объяснения.

– Морган, это... ну, это сложное слово.

Он отталкивает мой палец – все, со мной разговор окончен – и возвращается к перелистыванию страниц. Дальше болезней лимфатической системы он не идет, и это хорошо, пожалуй: следующий раздел, посвященный профессиональным заболеваниям легких, – явно не самое подходящее чтение для малыша.

– Эй, Морган, – зовет Дженнифер. – Морган!

Он продолжает листать страницы.

– Эй, Морган. Мы сегодня на такси поедem, на желтом такси. Все вместе, на желтом такси.

– Жожи, – повторяет он. Этим словом у него обозначается желтый. – Жожи такси.

– Да, точно. Ты сегодня поедешь на желтом такси! С мамой! И с папой!

Он не отрывает взгляда от страниц, но на лице появляется легкая тень улыбки – не распознаваемая никем, кроме нас.

– Морган, – напеваю я, – *Мо-о-орган...*

Он поворачивает страницы еще внимательнее, не обращая на меня внимания.

– Мор-ган. Я знаю, что ты. Я знаю, *ты*. Я знаю, ты слушаешь. Ноль реакции.

– Морган. *Моррр...* Давай-давай-давай!

Я прыгаю на него, он раздражается истерическим хихиканьем. Это для него лучшая шутка, с самого раннего возраста.

– Осторожнее, малыш. – Он дергает витой черный провод от докторской лампочки для проверки ушей, висящей на стене. – Аккуратно. Мы не можем это сломать.

О, мы можем, и еще как.

– Аккуратнее. *Аккуратнее.*

Я лихорадочно шарю в сумке, которую Дженнифер собрала для поездки: наборы карточек, набор для письма, книги, призванные занять Моргана во время ожидания перед кабинетом врача. Вылавливается тоненькая голубая книжка в твердом переплете.

– *Кошка!* – говорит Морган твердо. – *Шляпа!*

И сейчас же его внимание снова переключается на шнур. Открывается дверь; мы с Дженнифер поднимаем глаза.

– Здравствуйте. Я – доктор Вэйлен.

– Дженнифер, – моя жена пожимает протянутую докторшей руку.

– Меня зовут Пол. А это – Морган.

Морган по-прежнему исследует провод, дергая его туда-сюда.

– Итак... – врач смотрит на него вопросительно поверх своих записей. – У вас плановое обследование трехлеток?

– Нам еще рановато, на самом деле, – начинает Дженнифер.

– Мы только недавно переехали сюда, – объясняю я. – С его последнего обследования прошло еще совсем немного времени, и мы вот обнаружили...

Я теряюсь. Больше сказать, в общем-то, нечего, поскольку с ним не происходит ничего очевидно «не такого».

– О'кей, – говорит доктор. Она начинает задавать нам стандартные вопросы: проведенные по графику прививки, последние перенесенные заболевания; потом обследует его маленькое крепкое тело. Морган игнорирует ее, занятый пуговицей на моей рубашке. Доктор прodelывает обычные врачебные манипуляции, и Морган с силой выдергивает ушной зонд, как сделал бы всякий чувствительный ребенок.

– Хорошо слышит? – спрашивает доктор.

– Слышит, когда я разворачиваю на другом конце дома упаковку с чем-нибудь вкусеньким.

– Хм... – она опускает свои записи. – Не обследовали его на предмет задержки развития?

– Что-что? – мы с Дженнифер удивленно смотрим на нее.

– Ваш ребенок ни слова не сказал за последние пять минут. Потом, – доктор отступает на несколько шагов назад, к двери, –

он даже не взглянул, когда я вошла, когда я назвала его по имени. Когда потрясла игрушкой.

Она снова дребезжит довольно невыразительной погремушкой.

– Да он очень послушный ребенок, – объясняю я. – Ему до вас просто нет дела. Что в этом такого?

– Морган, – говорит доктор, – хочешь наклейку?

Несколько секунд она держит перед ним мрачную маленькую картинку с плюшевым медведем, затем отступает.

– Даже не взглянул.

Я тоже не стал бы на это смотреть.

– Ну да, он такой, – говорит Дженнифер. – Если он на чем-то сосредоточился, то вы что угодно можете держать в руках и кто угодно может в комнату войти. Он взаимодействует, но только когда ему нравится.

– Это нетипично для его возраста, – настаивает доктор. – Да и с вами-то он не использует речь тоже.

– Он говорит... Ну, как сказать, он зачарован языком. В годик выучил алфавит.

– Неужели?

– Да-да. Сейчас слова читает, фразы.

Дженнифер достает доску для набросков, которую Морган заставляет нас повсюду брать с собой.

– Смотрите, – Дженнифер обращается и к врачу, и к Моргану. Рисует на доске гроздь круглых плодов с веточкой и подписывает: «ВИНОГРАД».

– *Винаглад!* – вопит Морган.

Затем Дженнифер пишет: «АЛМАЗ». Она еще не успевает нарисовать картинку...

– *Алмаз!*

Я поворачиваюсь к доктору:

– Еще он умеет считать до двадцати.

– И это тоже необычно для двухлетки.

Морган настойчиво тянет мамин палец снова к доске. На этот раз она пишет на ней цифры.

– Он и в обратном порядке умеет считать, – с надеждой в голосе говорит Дженнифер, и я с энтузиазмом киваю, отчаянно ища хотя бы тень одобрения на докторском лице.

Но одобрения нет.

– Ему больше нравятся написанные слова, чем устная речь?

– Да. В смысле, говорить он может. Но предпочитает этого не делать. Он не просит словами, когда ему что-то нужно. Мы стараемся ему подсказывать, но он все равно не делает по-нашему. И при этом повторяет песенки или то, что прочитал в книжках.

– Не применяя это для взаимодействия.

– Ну...

– Тли плюс два.... лавно.... пять! – вдруг триумфально объявляет Морган.

– Точно! – я ерошу ему волосы и снова поворачиваюсь к врачу. – Он и с компьютером может управиться, сам включить.

– А на ваши инструкции при этом не реагирует?

Он *считает*. Умеет *читать*.

– А отвечает ли Морган...

– Нет, нет. Пожалуй, нет.

– Хм...

И она снова что-то записывает у себя.

– Он понимает *нас*, – добавляет Дженнифер. – Мы понимаем *его*.

– При этом он не социализируется, не пользуется вербальной речью.

– Он и играет с нами, – объясняю я. – Он вообще счастливый ребенок. И умница.

Врач убирает свою авторучку.

– Я полагаю, – говорит она, – вам стоит подумать об обследовании на задержку развития. Возможно когнитивное нарушение.

В результате я чувствую головную боль. Поворачиваюсь к сыну, счастливо проигнорировавшему весь разговор. Он снова увлеченно теребит черный витой шнур от лампы: щелк, щелк, щелк.

К нашему возвращению домой Морган задремал, и я занушу его на руках в комнату прямо в детском автокресле. Мы с Дженнифер, тяжело опустившись на кушетку, смотрим на спящего ребенка. Выглядит он вполне довольным, и при этом... Как это так получилось, что час назад мы уехали из дома со здоровым ребенком, а вернулись – с больным?

– И что теперь? – вздыхаю я.

– Не знаю.

Все стало теперь неожиданно другим: а вот то, как он спит, это ненормально? Смешной звук, который он издает, когда доволен чем-то? Тот факт, что мы не можем добиться от него названия своего имени, и при этом он любит повторять слова за нами? А еще... да нет же, черт возьми, у него нет никаких отклонений. Мы бы заметили. У него... у нас – у нас все было в порядке до сегодняшнего дня.

– Нелепо, – я просматриваю длинный список вопросов и оценок, выданный врачом, и отшвыриваю его в сторону. – Он чудесный. Они просто никогда не видели таких.

Морган сопит в своем кресле. Вдруг губы его причмокивают, и затем он возвращается к блаженному сну.

– Знаю.

Повисает долгая пауза.

– А на консультацию все-таки придется съездить.

– Наверное.

При этом на самом деле ведь ничего не изменилось. *Ничего не произошло.* Он – тот же мальчик, что и был всегда; да и мы – те же родители, что были раньше.

– Ну а что если вдруг...

Ее вопрос повисает в воздухе.

– Если они что-то найдут?

Она кивает.

– Не найдут.

– Ну а если да?

Просто он проходил обследование, вот и все. И... и... да как это вообще можно допустить? Дженнифер смотрит на меня и гладит по плечу:

– Давай-ка я побуду с ним. У тебя сегодня совсем не было твоего личного времени.

– Пожалуй.

– Все у нас будет хорошо.

Я поднимаюсь по скрипучей лестнице в мансарду, стараюсь не наступить на дырки в досках и торчащие гвозди: я – единственный, кто сюда поднимается, и пора уже, наконец, взяться за

ремонт лестницы. Распаковывать вещи после переезда я тоже, наверное, никогда не закончу – на картонных коробках в моем домашнем офисе лежат стопки тетрадей и блокнотов, на столе угрожающе пошатываются пирамиды старинных томов, и везде снежными горными пиками возвышаются стопы библиотечных фотокопий. «ПИТЕР», – гласят небрежно приклеенные к ним бумажки. В другой стопке – черновики книги о Питере, написанные по большей части неровно и небрежно. Никак не могу привести их в порядок. Кое-чего здесь не хватает, и я до сих пор еще не определил, чего именно.

Я останавливаюсь и бесцельно смотрю в окно. Что если все-таки это *правда* и с ним что-то не так?

Возвращаюсь к своим записям и начинаю их просматривать. Впервые я столкнулся с Питером в прошлом году, когда мы жили в Уэльсе. Я с интересом листал найденную мною старую, ветхую книгу в кожаном переплете – «Необычные и замечательные характеры»; именно из этой книги я и узнал про Питера, дикого мальчика. Глядел он куда-то в пространство, по крайней мере – за пределы книжной страницы. Я никогда не слышал о нем раньше. Да что там – ныне он вообще почти никому не известен, поскольку написанной биографии Питера не существует. Но были времена, когда практически каждый что-нибудь да слышал о мальчишке-дикаре и его чрезвычайно странной жизни: этот сначала практически бессловесный, дикий ребенок дурачился перед двором короля в Кенсингтонском дворце, встречался с Дефо и Свифтом, находился у истоков романтизма, зоологии и даже теории эволюции.

Питер преследовал меня. Я успел пару раз переехать, увидеть превращение сына из новорожденного в почти трехлетнего мальчика, написать несколько книг... и не мог все это время выкинуть Питера из головы, сам не знаю почему. О самом Питере не было сказано почти ничего. Он был молчаливой загадкой; чем больше я читал о нем, тем больше узнавал о людях, его окружавших. Питер оказался зеркалом для людей своей эпохи: он отражал их мысли и грезы и практически не раскрывал себя. Каждый, кто заглядывал Питеру в глаза (всегда отведенные в сторону), узнавал что-то о себе самом и о том, что же это такое – быть человеком. Так получилось, что и я стал одним из таких людей.

Самые первые сообщения поступили от лодочников, курсировавших по реке Везер: странное существо выходило к реке из Черного леса и скрывалось на берегу. Из жалости к необычному животному люди стали оставлять ему еду. Когда же жители города Гамельна отважились сунуться в лес в июле 1725 года, их глазам предстало зрелище, к которому они были явно не готовы. В лесу, не обращая на их присутствие никакого внимания, обитало самое редкое из диких животных: человек.

Он был похож на мальчика лет двенадцати; нагой и грязный, со спутанными длинными волосами, но все же – без сомнения – мальчик. Жители видели его на расстоянии: он прятался в дупле дерева, употребляя в пищу желуди, траву и съедобные растения. При движении – и бегая по полю, и карабкаясь по деревьям – он использовал все четыре конечности. Свидетели утверждали, что по деревьям он передвигался не хуже белки. Бесшумно проследив за его перемещениями, жители города окружили дерево, чтобы заставить мальчика слезть.

Такова одна история. Есть и другая, от местного фермера Мейера Юргена. Некоторые утверждали, что именно Юрген нашел ребенка первым, и вовсе не в лесу. Мальчик был обнаружен на пастбище жадно присосавшимся к коровьему вымени. Увидев приближение фермера, испуганный ребенок начал буквально разрываться между желанием убежать и остаться пить молоко; но Мейер, которому приходилось приручать самых разных животных, завлек оголодавшего ребенка в дом с помощью нескольких яблок.

Что ж, обе истории правдоподобны. «Приручить» парня было невозможно, он запросто мог сбежать от Мейера и быть впоследствии найденным в лесу. Посему в ноябре 1725 года гамельнские бюргеры решили для безопасности поместить юного подопечного под надзор в тюремную камеру в близлежащем городе Зель. Это был узник не только без преступления, но и без имени; обнаженный и бессловесный, он не давал никаких ключей к загадке своего происхождения. За диким неговорящим существом закрепилось имя Питер.

Когда малолетнего заключенного помыли и одели, оказалось, что он, в общем-то, мало чем отличается от других мальчиков этого города. Внешностью он не выделялся среди жителей ре-

гиона, необузданная масса его волос поддалась, наконец, гребню; между двумя пальцами сохранился кусочек когда-то повязанной тесемки, а на теле не было никаких дефектов, из-за которых его могли бы бросить. Кроме того, мальчик оказался и не совсем бессловесным: кое-какие звуки он все же издавал, однако они не походили на человеческую речь. Производя впечатление глухого, он все-таки не был таковым: ни оклик по имени, ни близкий выстрел не заставляли его вздрогнуть, в то время как на треск раскалываемого в нескольких комнатах от него ореха Питер реагировал моментально, тотчас же устремляясь на звук в радостном предвкушении. Будучи робким, он казался абсолютно счастливым в своем одиночестве; при этом он был достаточно добродушно настроен, когда замечал людей вокруг себя.

В других отношениях мальчик-дикарь все-таки больше походил на животное, нежели на человека. Он так и не начал есть ничего из приготовленной еды, которую ему предлагали, предпочитая простую и дикую «диету» из кореньев и орехов. Одежда, которую на него надели, вскоре была в раздражении сорвана. Спать в кровати он также не стал. Надзиратели чаще всего могли его видеть свернувшимся калачиком на полу в состоянии легкой дремоты, но всегда готовым тревожно вскочить.

Единственным признаком, позволявшим строить догадки о происхождении мальчика, был полуистлевший ворот рубашки, но кто надел на него когда-то эту рубашку – родные или Мейер Юрген, никто не знал. При недостатке реальных фактов всегда начинают процветать досужие сплетни: поговаривали, что это, наверное, нежеланный ребенок одной местной женщины, или что он – один из преступников, когда-то сидевших в Зельской тюрьме; другие же считали Питера сиротой-идиотом. Подобные истории легко становятся достоянием гласности в маленьких деревушках, однако в отношении Питера никаких сведений о злодеях-родителях не возникало. Не было очевидно и то, является ли мальчик идиотом: он вроде демонстрировал сметливость и любопытство и выглядел вполне счастливым. Но в чем не возникало сомнений – он точно был *другим*. Хотя кто скажет, как повлияли бы годы дикой одинокой жизни на самого здорового ребенка?